

КОЛЬЦО БЛОКАДЫ: ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА

*Работа представлена кафедрой истории
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.*

В статье дается характеристика оккупационного режима на территории Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны, анализируются основные направления фашистской пропаганды среди гражданского населения захваченных территорий. Особо подчеркивается важность издания и распространения оккупационными властями печатной продукции, внешне похожей на советские довоенные газеты, а также использование религии для оправдания антисоветской пропаганды. Обращается внимание на роль культурных мероприятий, таких как концерты, спектакли, экскурсии, спортивные соревнования, выставки, в информационной войне.

Ключевые слова: *блокада, оккупационный режим, информационная война.*

I. Lapina

CIRCLE OF THE SIEGE: OCCUPATION REGIME AND INFORMATION WAR

The article characterises the occupation regime on the territory of the Leningrad region during the Great Patriotic War; the main directions of the fascist propaganda among the civil population of the occupied territories are analysed. The article emphasises the significance of publishing and spreading of newspapers that resembled the ones published in the Soviet Union before the war and also using of religion in order to justify the anti-Soviet propaganda. Special attention is paid to the role of cultural events such as concerts, performances, excursions, sporting events, exhibitions in the information war.

Key words: *siege, occupation regime, information war.*

Блокада Ленинграда – одна из самых трагических страниц нашей истории. Ей посвящено немало исследований. Последнее десятилетие ознаменовано обращением ученых к боевым действиям на внешнем фронте блокады. Но что представляло собой само кольцо блокады? В какой обстановке оказались люди на

территории, занятой врагом, какой информационный поток вражеской пропаганды и агитации ежедневно обрушивался на гражданское население? На эти вопросы пытались и пытаются ответить многие историки. На основании архивных материалов попробуем реконструировать события военных лет.

Территория Ленинградской области с первых дней Великой Отечественной войны стала ареной ожесточенных боевых действий. К осени 1941 г. из 72 районов Ленинградской области 51 район был оккупирован врагом полностью и 12 районов – частично [2, д. 5, л. 1; д. 690, л. 1]. В соответствии с указом Гитлера от 17 июля 1941 г. было создано имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий во главе с А. Розенбергом. Сущность гитлеровской оккупационной политики заключалась в следующем: захват земли и природных богатств оккупированных территорий, всеобщее ограбление населения, вывоз населения на каторжные работы в Германию, ликвидация русской национальной культуры, истребление местного населения, партизан, военнопленных. Особое внимание уделялось уничтожению советского строя, максимальному экономическому использованию захваченных территорий, которые разделялись на две части. Первая, к которой относился театр военных действий сухопутных войск, находилась под властью командных инстанций вермахта, а вторая – в руках политической администрации (гражданского управления) – имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий. В захваченных районах Ленинградской области, находившихся под властью вермахта, жестокость оккупационного режима усиливалась тем, что на ее территории развернулись напряженные бои, не прекращавшиеся 2,5–3 года, поэтому здесь происходило непрерывное пополнение сил врага. Ни на какой другой из оккупированных советских территорий не было такого количества вражеских войск, как в Ленинградской области.

Вместо органов советской власти оккупанты создали местное гражданское управление в лице бургомистров, волостных старшин, старост, полицейских, полностью подчиненное немецкому коменданту. Для координации всех действий с деревенскими старостами, волостными старшинами, начальниками местной вспомогательной полиции регулярно проводились беседы, совещания [1, д. 651, л. 9; д. 1295, л. 55], на которых да-

вались указания по работе. Были проведены: перепись населения, каждый человек в возрасте от 14 лет заносился в список под определенным номером; паспортизация, причем в паспортах записывались подробные приметы их владельцев (рост, стан, цвет волос, глаз и пр.) и отмечалось, под каким номером они занесены в список [1, д. 651, л. 2]. Хождение в населенных пунктах было ограничено [1, д. 131, л. 18 об.]. Для перемещения из одного населенного пункта в другой требовалось специальное разрешение – пропуск, выдаваемый волостным управлением по ходатайству старосты. За хождение в неположенное время людей расстреливали без предупреждения [1, д. 161, л. 36; д. 649, л. 7; д. 666, л. 1–48]. Нередко проводились облавы с целью выявления посторонних лиц (партизан, подпольщиков). Была создана широкая сеть шпионов из числа враждебных советской власти людей, военнопленных, дезертиров Красной Армии [1, д. 162, л. 3]. В таких условиях гражданское население на оккупированной территории не только боялось общения с партизанами и подпольщиками, но и предпочитало даже не высказывать, сколько-нибудь открыто, свое отношение к оккупантам [1, д. 161, л. 36 об.]. Некоторые авторы отмечали лояльное отношение населения к немцам, подчеркивая интерес людей к жизни в Германии, их недовольство тоталитарной системой в СССР, желание освободиться от «ига большевизма», сталинизма: «Русское гостеприимство было прежним, несмотря на лишения двух последних десятилетий. На столе появлялось все, что хранилось в чуланах и погребях... начинались расспросы о чужом для них мире», о котором они не знали почти ничего. В сентябре 1941 г., когда прошли еще только передовые части противника, которые заигрывали с населением, проезжая на автомобилях подавали крестьянам хлеб буханками, предлагая «попробовать немецкого белого хлеба», например, в селе Яблонец Стругокрасненского района население оккупированных территорий плохо относилось к партизанам: не пускали их в деревни, не разговаривали с ними. Но, когда пришли тыловые части немецких армий и показали

свое «подлинное лицо» – стали отбирать скот, дома, хлеб – настроение населения резко изменилось [1, д. 14, л. 52].

В архивных документах имеются многочисленные доказательства того, что на оккупированной территории Ленинградской области процветал безудержный грабёж. Стремясь прокормить огромную армию, а также вывезти награбленное в Германию, оккупанты особенно изощрялись в экономических поборах. Летом 1941 г. в составе группы армий «Север» была учреждена «экономическая инспекция» с целью максимально использовать захваченные районы для обеспечения своих войск сельскохозяйственными продуктами. Эта инспекция размещалась в г. Пскове. В результате поборов зимой 1941–1942 гг. население оккупированных районов Ленинградской области, особенно в тылу 10-й армии, было полностью ограблено.

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с указанием рейхсфюрера войск СС Г. Гимmlера от 15 июля 1941 г. оккупированные территории пограничных областей подлежали первоочередной колонизации, что означало переход всей земли в руки немецких помещиков и колонистов, полное онемечение территории. Местному населению отводилась роль «низших социальных слоев», большая часть местных жителей подлежала уничтожению или изгнанию. В ходе войны была начата германизация завоеванных земель. На территорию Ленинградской области прибыли германские колонисты. Они должны были пустить здесь глубокие корни, им предоставлялась лучшая земля и даровая рабочая сила – крестьяне окрестных деревень. Были образованы имения Адольфа Бека, Кельнера, Гутмана фон Вильдерлинга, барона фон Розена и др. [1, д. 123, л. 43; д. 483, л. 2]. Колонизацию северо-западных областей осуществлял мощный военно-полицейский аппарат. Управление оккупированными областями было сосредоточено в многочисленных военных комендатурах, расположенных во всех городах и крупных населенных пунктах области.

На захваченных территориях гитлеровцы ликвидировали колхозный строй, а все

законы и распоряжения бывшего советского правительства объявлялись недействительными. Согласно «земельной реформе» 15 февраля 1942 г. отменялся устав сельскохозяйственной артели и вводились три формы землепользования: общественные хозяйства, земледельческие товарищества и индивидуальные хозяйства. У крестьян были изъяты все годные лошади, а директива Гитлера от 11 апреля 1942 г. обязывала заменять конский труд людским, чтобы полнее использовать земельную площадь [1, д. 161, л. 29; д. 658, л. 3]. Стремясь ослабить сопротивление крестьянства оккупационному режиму, гитлеровцы широко рекламировали «земельную реформу», объявляя ее благодеянием Гитлера русскому народу, стремились возродить частнособственнические инстинкты крестьянства, создать себе социальную опору в деревне. Эти стремления росли по мере ухудшения военного положения Германии и усиления движения сопротивления в оккупированных областях. В частное пользование раздавали землю в виде награды и подкупа полицейским, бывшим кулакам, тем, кто активно помогал оккупантам. «Неблагонадежным» земли не давали, у «провинившихся» ее отбирали. Так, немецко-фашистская газета «Северное слово» (внешне полный аналог советского печатного органа) от 1 августа 1943 г. писала, что в Тосно «примерный крестьянин А. М. Кондаков получил в частную собственность 10 га земли» [1, д. 1295, л. 15].

Введение индивидуального землепользования сопровождалось усилением налоговой политики и дополнительным изъятием продуктов у населения. Помимо натуральных налогов существовала изощренная система денежных обложений. Налоговая политика ничем не регламентировалась и не ограничивалась. Налоги шли на содержание различных отрядов и команд, несших карательные или охранные функции.

Население оккупированных районов, начиная с 14-летнего возраста, должно было работать на оккупантов: строить дороги, оборонительные сооружения, обрабатывать землю. Условия труда были каторжными. Рабочий день ничем не ограничивался. Что-

бы заинтересовать людей в работе, для работающих открывались магазины по продаже предметов первой необходимости [1, д. 649, л. 17 об.]. За невыход на работу избивали или отправляли под арест [1, д. 1284, л. 77].

С первых же дней оккупации территории Ленинградской области захватчики стали подвергать гражданское население усиленной идеологической обработке. Для этого министерства, верховное командование вермахта, специальные службы и другие организации разработали основные направления пропагандистской деятельности на оккупированных советских территориях. Вся система идеологического воздействия была направлена на то, чтобы вытравить из сознания советского человека социалистическую идеологию. Альфред Розенберг писал, что при завоевании русских областей «основной идеей является вылечить русский народ от большевизма». В составе немецко-фашистских войск, предназначенных к вторжению в СССР, были включены специальные части для ведения психологической работы: было создано 17 рот пропаганды. К наступающим частям вермахта были прикомандированы журналисты и другие специалисты для сбора и использования материалов в антисоветских целях. Всей этой деятельностью руководили отделы пропаганды, образованные в каждой из трех групп армий, предназначенных для нападения. Захватчики имели возможность непосредственно воздействовать на гражданское население. Группы пропаганды были заранее оснащены необходимыми антисоветскими материалами и средствами распространения. Были отпечатаны массовыми тиражами листовки, воззвания, плакаты, подготовлены программы радиопередач, кинофильмы, пропагандистские роты имели в своем распоряжении громкоговорящие установки, специальные средства для разбрасывания листовок, много другой техники, вплоть до использования авиации.

Общее руководство идеологической обработкой населения оккупированных районов нашей страны осуществляло министерство просвещения и пропаганды, возглавляемое Й. Геббельсом. При министерстве были

созданы два отдела: отдел борьбы против Коминтерна и восточный отдел. При генеральном штабе немецкой армии работало специальное управление по пропаганде среди населения оккупированных территорий. В группе армий «Север» существовал специальный отдел пропаганды, подчиненный начальнику тылового района генерал-лейтенанту Х. фон Рокку, а в армиях – так называемые роты пропаганды. Идеологическую обработку населения проводили не только армейские части, но и оккупационные органы власти, возглавляемые ведомством А. Розенберга. При комендатурах, городских управах действовали отделы пропаганды или отделы «культуры и просвещения». В сельской местности политической работой среди жителей деревень и сел занимались старосты и другие официальные лица.

Гитлеровское командование требовало, чтобы каждый военнослужащий и чиновник оккупационной администрации был пропагандистом. В одной из инструкций германского командования о пропагандистском воздействии на местное население говорилось: «Необходимо использовать каждый подходящий случай для морального воздействия на население. Пропагандой должны заниматься все расположенные в данном районе германские учреждения, офицеры, чиновники и работники сельскохозяйственных организаций, работающие на данном месте длительное время и завоевавшие доверие населения». Основную массу печатных пропагандистских изданий составляли газеты и листовки. Значительное количество газет, издававшихся фашистскими захватчиками на оккупированной территории, выходило на немецком языке. Они выпускались не столько для населения оккупированных районов, так как среди него людей, свободно владеющих немецким языком, было сравнительно мало, сколько для германской администрации. Именно через эти издания последняя получала необходимую информацию и соответствующие инструкции по ведению работы среди местного населения. Издавались «Гамбургская газета», «Национальная газета», «Империя», «Немецкая газета на востоке»,

«Походная газета», «Пограничная вахта», «Рейнская провинциальная газета», «Секретная служба», «Ревельская газета», «Франкфуртская газета» и другие, а также журналы, справки [1, д. 137, 138, 141, 142, 143, 144, 146, 669, 670, 671, 1303–1313, 1722, 1723].

Необходимо отметить, что фашисты конфисковывали советские печатные издания, киноленты, произведения изобразительного искусства, грампластинки, всевозможные музейные экспонаты. Население обязывали под угрозой расстрела незамедлительно сдавать в оккупационные органы власти издания произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, книги советских прозаиков и поэтов, классиков мировой литературы. Были закрыты все библиотеки. Однако гитлеровцы учитывали привычку советских людей к печатной пропаганде. Люди получали внешне привычный печатный продукт, поскольку оккупанты сохраняли советские названия газет, их формат, шрифт, оформление, но с абсолютно иным информационным наполнением. Печатавшаяся в г. Рига газета «Правда» по своему оформлению была копией Центрального органа ВКП(б) и усиленно распространялась в Ленинградской области, но ничего общего с реальным изданием ЦК ВКП(б) не имела [1, д. 133, 134, 658, 1293]. В г. Дно фашисты выпускали газету «За Родину», сходную по оформлению с газетой Политуправления Северо-Западного фронта [1, д. 131, 649, 650, 1280, 1716]. Газета с таким же названием издавались и в Пскове [1, д. 651, 652, 1286, 1288, 1717]. Кроме того, оккупанты издавали в Ленинградской области газеты «Гдовский вестник», «Лужский вестник», «Новое слово», «Псковский вестник», «Северное слово», «Труд и отдых», «Доброволец», «Заря» [1, д. 647, 648, 654, 656, 661, 663, 665, 1278, 1290], журналы «Новый путь», «Вольный пахарь», «Сигнал» [1, д. 657, 1277, 1291]. Для сельской местности псковское фашистское издательство «Новое время» выпускало специальный календарь «Новая Европа» [1, д. 653, 1300, 1721]. Также фашисты печатали свои «боевые листки» по форме «Боевого листка», выпускавшегося полторганами Красной Армии, брошюры,

плакаты [1, д. 667, 1297, 1720]. Наряду с указанной печатной продукцией в первые дни оккупации фашистские органы власти издавали для населения захваченных территорий листовки, позднее их заменили бюллетени, воззвания, приказы, распоряжения, объявления, указы. Фактически политика заигрывания с населением сменилась политикой грубого управления захваченными территориями, что и нашло отражение в информационной войне.

В основном фашистские газеты на территории Ленинградской области начали издаваться в 1941–1942 гг., и лишь немногие были основаны в 1943 г. Позднее оккупантам вообще было не до создания печатных органов. Фашистские идеологи пытались убедить население, что они издадут подлинно русские газеты. В статье «Воскресшее слово (Русские газеты в освобожденных областях)» отмечалось, что «во всех крупных русских центрах, освобожденных германской армией от большевиков, выходят русские газеты. Большевикам не удалось задуть свободное русское слово» [1, д. 658, л. 10].

Особое внимание немецкое командование уделяло вопросу распространения выпускаемой им печатной продукции. В специальном отношении начальника Стругокрасненского района от 9 сентября 1942 г. старшинам волостей указывалось, что каждая семья должна иметь ежедневную свежую газету, требовалось обеспечить подписку читателей на эти газеты и своевременную доставку этих газет. Вопрос о распространении газет неоднократно обсуждался на совещаниях сельских старост и волостных старшин. Им вменялось в обязанность распространять газеты и высылать за ними 2 раза в неделю специальных людей в районные управления [1, д. 719, л. 39]. Изучение архивных материалов и других источников позволяет утверждать, что организации распространения своей печати оккупационные власти уделяли очень большое внимание. Это была четкая система, основанная на финансовом расчете и материальной заинтересованности распространителей, путем процентного вознаграждения уполномоченных по распространению

[1, д. 651, л. 11]. Кроме того, за распространение немецко-фашистской газеты предусматривалась награда – 1 оккупационная германская марка. Для ее получения необходимо было представить удостоверение с подписью старосты и печатью о доставке газеты [1, д. 649, л. 1].

Проведенное исследование содержания немецко-фашистских газет позволяет определить основные направления, по которым велась информационная война. Население оккупированных районов старались убедить, что немецко-фашистская армия защищает русский народ от большевизма, еврейства [1, д. 1284, л. 10]. Проповедь национализма, антисемитизма, распространение идеи расового превосходства германской нации – это основные идеи передовых статей нацистов. Много статей было посвящено событиям на фронте, рассказам о действительных и мнимых победах немецкой армии, полном разгроме Красной Армии. Особое внимание уделялось иностранной хронике. До сведения населения оккупированных районов доводились события (естественно в фашистской интерпретации), которые происходили в Болгарии, Англии, Америке, Австралии, на Кипре и др. [1, д. 650, л. 2; д. 1284, л. 1 об. и др.].

Современники событий вспоминали, что особенно больно, было читать статьи, посвященные Ленинграду, где у жителей области остались родственники. Фашисты писали, что в Ленинграде голод и люди едят кошек и собак, что население ждет, не дождется сдачи города [1, д. 651, л. 6], также публиковались статьи о людоедстве в Ленинграде [1, д. 658, л. 13]. Вероятно, для гитлеровцев было очень важно внушить населению оккупированной территории бесполезность борьбы с «победоносной» германской армией, бесполезность сопротивления. 2 ноября 1941 г. в немецко-фашистской газете «За родину» (г. Дно) было напечатано письмо старост 19 деревень Селищенского сельсовета Порховского района «Как мы ликвидировали партизан» [1, д. 131, л. 14 об.], а в статье «Разве это партизаны?» говорилось о том, какой вред принесли революция 1917-го г. и большевизм русскому народу; партизаны на-

зываются не иначе, как «бродячими бандами» [1, д. 131, л. 16, 16 об.] и «лесными бродягами» [1, д. 650, л. 1 об.].

Необходимо отметить, что фашистские идеологи резко критиковали советский общественный строй, большевистскую партию, марксизм, т. е. все то, что годами прививалось советским людям правящей партией и составляло основу идеологического влияния на население [1, д. 649, л. 14]. Вот некоторые названия статей: «За кулисами советского строительства» (Бесхозяйственность и воровство поглотили миллионы народных денег), «Куда большевики девали народные деньги», «Сталин и большевизм должны погибнуть, чтобы русский народ мог жить!». Более того, публиковались статьи от имени «русского крестьянина», который жалуется на тяжелую судьбу и считает, что все, что делала советская власть «было безумием» [1, д. 658, л. 4 об., 6 об.; д. 1286, л. 35; д. 131, л. 15]. Фашистскими идеологами постоянно проводилась в жизнь мысль о том, что русские люди должны быть благодарны германским воинам-освободителям за избавление от издевательств «кремлевской шайки», от «дьявольской большевистской власти». Большевистская партия представлялась ими не иначе как «безыдейным сборищем людей с членскими билетами» [1, д. 1280, л. 10; д. 658, л. 20 об.].

Одновременно с этим восхвалялось все, что было связано с Германией, ее строем, хозяйством, прогрессом, культурой, наукой, велась агитация и вербовка населения в Германию. В немецко-фашистской печати постоянно публиковались обращения к русскому населению в городах и селах, к женщинам и девушкам. В них сообщалось, что ведется учет жителей освобожденных от большевизма районов, и только холостые и незамужние, бездетные могут поехать в Германию: мужчины для работы в сельском хозяйстве и на промышленных предприятиях, женщины в качестве домработниц [1, д. 649, л. 15; д. 652, л. 20; д. 1280, л. 12 об.]. Тем, кто поедет на работу в Германию, обещалось сохранить дом и имущество [1, д. 667, л. 1]. Исследование архивных материалов позволяет сделать вывод о лживости подобных обещаний.

Оккупационные власти проводили широкую пропаганду идеи необходимости переселения жителей в немецкий тыл в целях безопасности [1, д. 1297, л. 41]. В своей агитации они не отличались изобретательностью, извращая действительные факты и события. Даже в вопросе о мобилизации женщин нацистские идеологи использовали уже привычные приемы: национализм и резкую критику большевизма. Названия статей говорят сами за себя. Например, «Как большевизм закабалил русских жен и матерей» [1, д. 1288, л. 49]. Русским женщинам и девушкам постоянно внушалась мысль о том, как плохо им в России и как хорошо будет в Германии. В одной из статей написано, что «большевики всегда удивляли весь мир. И в этой войне они дали нечто совершенно новое: женщина на фронте! Каждый народ стремится уберечь своих женщин от опасности, сохранить женщину, ибо женщина – это мать, от нее зависит сохранение нации. Иначе мыслят большевики» [1, д. 1297, л. 37]. Немецко-фашистские газеты практически ежедневно помещали приглашения женщинам и девушкам поехать на работу в Германию, чтобы ближе познакомиться с немецкой жизнью. Тут же публиковались письма домой к родным и близким тех, кто уже работает в Германии, как им там хорошо: они сыты, одеты и т. п. [1, д. 649, л. 16 об.].

Оккупационные власти неоднократно организовывали поездки жителей оккупированных районов Ленинградской области в Германию на экскурсии. В печати помещались статьи о том, какое впечатление произвела на них жизнь в Германии. Так, «Гдовский вестник» в № 6 от 25 июля 1942 г. опубликовал письмо рабочих Петра Родика и Павла Сильвестрова об их поездке в Германию [1, д. 647, л. 2 об.]. А в мае 1943 г. была организована поездка в Германию районных руководителей и бургомистров городов Северных русских областей с тем, чтобы по возвращении они проводили беседы в своих районах и рассказывали о хорошей, сытой жизни в Германии, что особенно должно было действовать на голодных, измученных людей. Немецко-фашистская газета «Север-

ное слово» в № 66 от 9 июня 1943 г. также сообщает о поездке в Германию делегации, в состав которой были включены офицеры Русской Освободительной Армии (РОА). А 29 июля газета публикует не только впечатления участников поездки, но и фотографии тех мест, где побывала русская делегация: детский сад под Берлином, зоологический сад, дворец Сансуси в Потсдаме и т. д. [1, д. 1295, л. 11 об.]. И это все на фоне того, что окружало русских людей в действительности: разрушенные здания без отопления и канализации. Фашисты внушали жителям, что это по вине Сталина, большевиков и советской власти они сейчас живут так. Немецко-фашистская газета «За Родину» (г. Дно) писала, что «по приказу Сталина, все лучшие постройки в центре г. Порхов были уничтожены, магазины разграблены, дома сожжены» [1, д. 649, л. 19]. Вышедшая в г. Пскове газета «За Родину» также писала в № 26 от 9 октября 1942 г.: «Редко где можно в освобожденной России сейчас найти город без следов большевистского варварства. Почти во всех городах лучшие здания большевики, уходя, взорвали или сожгли. Война, а больше всего большевики уничтожили так много народных ценностей, что для восстановления их потребуются невероятные физические и материальные затраты» [1, д. 652, л. 5]. Фашисты пишут о том, что «пришла германская армия-освободительница и начались восстановительные работы» [1, д. 649, л. 19]. Естественно, что ни слова мы не найдем в немецко-фашистской печати о том, сколько в действительности принесла германская «армия-освободительница» бед русскому народу, сколько горя и лишений.

Следует подчеркнуть, что доля правды в этой немецкой информации, безусловно, была. Исходя из директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., из приказа Ставки верховного главнокомандующего № 0428 от 17 ноября 1941 г., советские войска должны были разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск, чтобы противник не мог их использовать, а также уводить с собой все советское население. Можно констатировать тот факт, что не

всегда советские войска успевали выполнить эти указания в силу ряда причин. Нам также известно указание Гитлера о том, что прежде, чем занять населенный пункт, его надо подвергнуть усиленному обстрелу и разрушению. Таким образом, все это приводило к тому, что в первую очередь страдали местные жители, остававшиеся без крова, пищи, вынужденные переселяться в сохранившиеся поселки, деревни.

В ряде немецко-фашистских газет, которые издавались на оккупированной территории Ленинградской области, были специальные разделы: «Местная хроника», «На освобожденной земле», где сообщалось о том, что происходит в различных районах, населенных пунктах области, а также жителям рассказывалось о том, как живут люди в других, освобожденных от большевизма областях, о событиях в Одессе, на Дальнем Востоке, на Украине и др. [1, д. 1284, л. 4, 4 об.].

Важно отметить, что вся политика оккупантов была направлена прежде всего на обеспечение нужд германской армии, поэтому, рассматривая социально-экономические мероприятия немецких властей на «освобожденной от большевизма территории», необходимо учитывать, что они проводились в первую очередь для привлечения местного населения на сторону немцев. По нашему мнению, было бы неверным говорить о подлинной заботе оккупантов о населении, как это постоянно подчеркивалось самими немецкими пропагандистами. С этих позиций рекомендуется оценивать введение в Пскове хлебных карточек для местного населения, создание специальных организаций взаимопомощи, проведение благотворительной лотереи в Опочке, создание банков в Пскове, Луге, Гатчине и открытие банковских касс в Гдове, Дно, Острове, Опочке, открытие больницы на 40 коек в Сиверской, медпунктов и бань в Тосно, Порхове, Пскове, Вырице и др., а также ветеринарных пунктов [1, д. 652, л. 22, 24; д. 667, л. 2, 64; д. 1280, л. 5–6, 39 об., 42 об.; д. 1284, л. 15, 22, 57, 68, 77; д. 1293, л. 10, 12; д. 1294, л. 9, 12]. В специальной рубрике «Советы врача» жителям указывалось, как они должны бороться с за-

болеваниями. Для придания большей достоверности своей «заботе» о здоровье населения проводились конференции русских областных врачей [1, д. 1284, л. 20]. Помимо этого, оккупационные власти постоянно подчеркивали дружелюбное отношение германских солдат к местному населению, публиковались фотографии, где немецкие солдаты работают на полях бок о бок с крестьянами. Крестьянам постоянно давались полезные советы по ведению хозяйства и тут же публиковались нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, причем подчеркивалось, что они ниже советских, и, что крестьяне должны выполнить их в первую очередь, а уже потом делать запасы для себя. Немцы утверждали, что «всякая война требует жертв» и, поэтому необходимо сдать продукты для германской армии, чтобы «она могла победить» [1, д. 649, л. 3; д. 652, л. 17, 40; д. 667, л. 61; д. 1284, л. 8, 9 об., 15 об., 76; д. 1295, л. 7, 17, 51]. Действительно, нормы сдачи сельхозпродукции были не выше довоенных советских норм. Но, оценивая этот факт, необходимо учитывать, что на оккупированной территории резко сократилась численность мужского трудоспособного населения, а также жители были лишены тягловой рабочей силы.

В архивных фондах имеются воспоминания о жизни в немецкой оккупации. Некоторые исследователи высказывали мысли о том, что сельское население, производившее продукты питания, не должно было голодать. С этими выводами нельзя согласиться. Анализ материалов позволяет утверждать, что сельское население на оккупированной территории Ленинградской области действительно голодало, так как большая часть урожая зерна, овощей доставалась неприятелю [2, д. 188, л. 2]. За пользование своими же продуктами с огорода жителей били ремennыми плетками, сутками держали в амбарах [2, д. 670, л. 1, 2, 2 об.]. Не лучшее положение было и в городах. По свидетельству агронома Н. Н. Афанасьева: «Все мясо шло в ход, включая кошек и собак» [2, д. 188, л. 2]. Следует отметить, что в лучшем положении находились лица, состоящие на службе у окку-

пационных властей. Им полагался специальный усиленный паек [2, д. 670, л. 3 об.]. Более того, там, где население плохо относилось к советской власти, поддерживало оккупантов, предавало коммунистов, немцы ничего не трогали – ни кур, ни яиц, например, в дер. Калашниково Мишиногорского сельсовета Полновского района [2, д. 13, л. 54, 55].

Для крестьян были организованы выставки сельскохозяйственной продукции, техники, открыты выставки семян в Гатчине, Пскове, Острове. Также созывались совещания районных агрономов, организовывались различные курсы, где не только делались научные доклады, но обязательно давался обзор политических событий [1, д. 652, л. 33; д. 1280, л. 27 об.; д. 1284, л. 6, 9, 61, 124 об.].

Прикрываясь заботой о развитии русской культуры, оккупационные власти открывали различные культурно-просветительные учреждения. Были открыты русский драматический театр и кукольный театр в Гатчине; Балетная школа, музыкально-вокальная школа и театр в Пскове; Гдовская театральная группа; Порховская драматическая группа и др. Оккупационные власти организовывали гастроли артистов по районам Ленинградской области и даже за границу. Например, известный русский артист Н. К. Печковский побывал в Вене, Праге, Варшаве, Познани, Риге, Ковно и других городах [1, д. 1284, л. 9, 11, 27, 57, 103, 119; д. 1288, л. 50, 72, 96; д. 1295, л. 5, 97]. Весь театральный репертуар был под контролем немецкой администрации. Об этом свидетельствует ряд фактов. Например, Б. Маклаков писал в одной из статей, что «репертуар театров необходимо пополнить современными пьесами острополитического содержания, разоблачающими “сталинско-еврейский строй”» [1, д. 1288, л. 78].

В пропагандистских целях фашисты использовали не только театральные представления, но и кинофильмы. В Пскове, Дно были открыты кинотеатры, действовала кинопередвижка. Фильмы для показа населению подбирались очень тщательно. Они рассказывали о жизни в Германии, о бедах русских крестьян при советской власти и о «новой,

свободной» жизни [1, д. 1284, л. 13; д. 1288, л. 46].

Таким образом, «заботясь» о возрождении культуры на захваченных землях, гитлеровцы ни на минуту не забывали о четкой идеологической направленности всех культурных мероприятий. Фашистская программа морально-политического духовного подавления советских людей предусматривала уничтожение советской культуры, ликвидацию системы народного образования. Были закрыты все общеобразовательные школы, уничтожены все советские учебники [1, д. 57, л. 11].

В целях перевоспитания и обучения детей в фашистском духе оккупанты открыли немногочисленные «народные» (начальные) школы. Были опубликованы распоряжения об обязательном обучении детей в школах, чтобы «дети не болтались без дела». До 40% обучение в школах было платное. Фашисты утверждали, что в борьбе с жидо-большевизмом предполагается не только его военный разгром, но и идеологический, т. е. «освобождение от его отравы сознания людей». Для этого и нужна новая школа, которая «может воспитать полезных людей» [1, д. 649, л. 31; д. 651, л. 6, 25]. На учительской конференции в Пскове 18 сентября 1942 г. бургомистр Черепенькин подчеркивал, что главная задача учителей – «доказать детям лживость большевизма и ввести их в общеевропейскую семью народов» [1, д. 651, л. 9]. В декабре 1942 г. Военное управление Северной Войсковой областью разработало и утвердило учебные планы и программы для начальных школ. Псковское издательство «Новое время» выпустило учебники «Родной язык», «Граматику и правописание». Они были насильственно проникнуты фашистской идеологией. В книги для чтения был включен материал религиозно-нравственного содержания, что было не характерно для советских учебников. В расписание вводился закон божий в целях «укрепления морального воспитания подрастающего поколения». Были разработаны новые школьные учебные программы по русскому, немецкому языкам, арифметике, географии, естествознанию, ру-

коделию, пению и физической культуре. Составители программ исходили из того, что начальная четырехклассная школа должна воспитать ребенка и дать ему необходимый более или менее законченный круг знаний, так как многие дети по окончании начальной школы займутся крестьянским трудом, пойдут на производство и в ремесленные училища [1, д. 668, л. 1–324; д. 652, л. 20; д. 1286, л. 116; д. 651, л. 60].

Все учителя, которые остались в оккупированных районах и были привлечены для работы в «новых школах», должны были пройти курсы переподготовки. Так, в обращении к учительству Дновского района говорилось, что «главное не учить детей, а перевоспитать их, вытравить из детских душ подлый большевистский дух» [1, д. 649, л. 9]. В Порхове, Острове, Сиверской, Беседе (Волосовского района) и др. были организованы курсы усовершенствования, переподготовки, повышения квалификации учителей [1, д. 1286, л. 16, 54, 98, 118; д. 1295, л. 13]. Регулярно проводились собрания учителей, конференции, где им указывалось, как и чему учить детей [1, д. 651, л. 37, 43, 60; д. 1284, л. 50; д. 1286, л. 126]. Более того, в состав делегаций для ознакомления с жизнью в Германии, включали и представителей народного образования. Так, инспектор школ Середкинского района П. Муравьев, начальница народного образования пределов полевой комендатуры Струги госпожа Мони́на Евгения Николаевна побывали в Германии и, вернувшись в свои районы, выступали перед населением с докладами о хорошей жизни немцев [1, д. 667, л. 1; д. 1284, л. 4].

Но не только через начальные школы оккупанты пытались воздействовать на умы детишек. Для этого также использовались радио и печать. Псковский радиоузел регулярно проводил детские передачи, а немецко-фашистские газеты практически в каждом номере имели рубрику «Детская почта», где публиковались различные стихотворения, сказки, рассказы, загадки, статьи, рассказывалось о проведении детских праздников в школах, приютах, детских домах, печатались фотографии, где были изображены немецкие

солдаты, которые играют с советскими детьми и дарят им игрушки [1, д. 649, 652, 1280, 1284, 1286]. Эти и другие демагогические приемы, обман использовались для того, чтобы внушить детям мысль о благодарности германским солдатам за то, что они освободили советских ребятишек от большевистской муштры и заботятся об их воспитании и развитии.

Этой же цели служила и церковная политика оккупационных властей. Для воспитания покорности жителей «новому порядку» фашисты использовали религию. В различных публикациях говорилось о гонениях на православие в СССР. Немцы обвиняли большевиков в уничтожении храмов, церквей, в спекуляции на вере людей и всячески подчеркивали свою заботу о религиозных чувствах верующих: восстанавливали церкви, монастыри в Новгороде, Пскове, Вырице и др. для возрождения церковной жизни [1, д. 651, л. 9, 21; д. 652, л. 6 об.; д. 649, л. 4 об.; д. 1288, л. 98, 104]. Под покровительством гестапо была создана православная церковная организация – Православная миссия в освобожденных областях России. Во главе ее был поставлен Северо-Псковский протоиерей Кирилл Зайц [1, д. 1288, л. 88 об.]. К августу 1942 г. в миссии состояли 77 священников, осуществлявших свое влияние более чем в 200 приходах на территории, охватывавшей Псков, Гдов, Гатчину, Новгород, Старую Руссу, Новоржев, Опочку [1, д. 161, л. 29]. Задача миссионеров отнюдь не исчерпывалась лишь пасторским служением (укрепление религиозности, распространение церковной литературы, икон, нательных крестиков и т. п.). Главное внимание уделялось политической агитации, проповеди антисоветских, антикоммунистических идей, воспитанию верующих в духе непротivления оккупантам. Все «миссионеры» были тесно связаны с оккупационными органами власти. Ярким примером их антисоветской пропаганды были писания, публиковавшиеся в ежемесячнике «Православный христианин», который издавался «миссией» с августа 1942 г. [1, д. 660, л. 8]. Религиозная тематика служила лишь фоном в информационной

войне. Не случайно, что редакция ежемесячника работала в непосредственном контакте с отделом пропаганды при командующем группы армий «Север». На страницах ежемесячника «безбожному большевизму» противопоставлялась «освободительная миссия» германской армии, расписывались заботы оккупантов о религиозных нуждах народа. Необходимо подчеркнуть, что посещение церкви в оккупированных гитлеровцами районах было обязательным, земская управа требовала представлять справки об исповедях [1, д. 57, л. 17]. Все мероприятия немцев на оккупированной территории освящались церковью. Так, при объявлении «земельной реформы» в г. Порхове был вывешен в церкви портрет Гитлера; попы обязаны были выступать с проповедями и молиться за дарование победы германской армии [1, д. 161, л. 38 об.; д. 658, л. 8]. Оккупанты, говоря о возрождении религии, храмов, соборов, имели в виду и возрождение церковных религиозных праздников: Рождество, Пасха [1, д. 658, л. 2 об.; д. 1284, л. 33]. В немецко-фашистских изданиях постоянно публиковались сообщения об открытии все новых церквей, давались различные исторические справки о крещении Руси, о возрождении иконописного искусства. В Пскове даже была создана мастерская, где работали над восстановлением икон 14 человек, среди них были опытные мастера: А. Т. Терентьев, Н. В. Мерзляков; заведовал мастерской И. И. Ободнев [1, д. 649, л. 11 об.; д. 652, л. 26]. Таким образом, с целью отвлечения населения от насущных проблем, для примирения верующих с властями пропагандировались религиозные праздники, открывались церкви, устраивались крестные ходы.

Следует обратить внимание и на то, какое значение придавали оккупанты празднованию годовщин освобождения русских земель от большевизма. Особенно пышно была отпразднована вторая годовщина захвата советских территорий. Во всех местных газетах, которые издавались оккупационной властью на территории Ленинградской области, были помещены сообщения о праздниках, а день 22 июня – объявлен днем освобождения Родины от 25-летнего большевистского гнета

и насилия [1, д. 647, л. 1.; д. 652, л. 31; д. 667, л. 57; д. 1284, л. 126; д. 1286, л. 54]. Такие праздники состоялись в Дно, Сольцах, Сиверской и других населенных пунктах [1, д. 1286, л. 54; д. 1295, л. 17, 19, 27]. Все эти мероприятия носили явно провокационный характер и проводились исключительно в пропагандистских целях.

Важно и тот факт, что в информационной войне оккупанты активно использовали радио. В первую очередь были приняты меры, запрещающие населению слушать советские радиопередачи. Одновременно была создана широкая сеть немецко-фашистских радиостанций. Оккупационные власти восстановили радиоузлы в Пскове, Порхове, Острове [1, д. 651, л. 19; д. 1284, л. 2; д. 1286, л. 86; д. 1288, л. 74].

Также руководители фашистской пропаганды большое внимание уделяли подготовке пропагандистов из местного населения. Во многих населенных пунктах были организованы группы беседчиков, агитаторов, пропагандистов. Так, в Солецком районе с 23 февраля по 4 марта 1943 г. были организованы курсы пропагандистов, где им были прочитаны лекции по вопросам «сталинской лживой политики приспособляемости в период войны», «о значении текущей войны», об организации русских добровольческих отрядов, освещались вопросы философии, критиковался марксизм. Для населения открывались уголки просвещения, где была представлена различная политическая литература антисоветского содержания [1, д. 1280, л. 57; д. 1288, л. 52].

Для борьбы с большевизмом гитлеровцы использовали всевозможные партии, организации, формирования. 27 декабря 1942 г. было опубликовано обращение о создании так называемого «Русского Комитета». Его председателем был генерал-лейтенант А. А. Власов, секретарем – генерал-майор В. Ф. Малышкин. В обращении говорилось, что комитет создан для «объединения русского народа и руководства его борьбой против ненавистного режима, для сотрудничества с Германией в борьбе с большевизмом за построение Новой Европы» [1, д. 667, л. 132, 132 об.]. При «Русском Комитете» был создан отдел

пропаганды, призванный популяризировать цели и задачи комитета, помогать в организации Русской Освободительной Армии. Комитет имел свои печатные издания: газеты «Заря», «Доброволец», журнал «Новый путь» и др. [1, д. 657, 1279, 1291]. В декабре 1942 г. был опубликован призыв о вступлении в добровольческие отряды по борьбе с партизанами, назначены пункты записи в РОА в Дно, Старой Руссе, Чихачево, Шимске и Демянске. Всем, кто вступит в РОА, было обещано обмундирование, питание, жалование; за особое усердие – награды и удобные земельные наделы [1, д. 649, л. 24 об.; д. 650, л. 2; д. 1294, л. 3, 4 об.; д. 1295, л. 28 об., 32 об.; д. 1297, л. 1, 18, 21, 27–33].

Итак, с первых дней же оккупации на территории Ленинградской области был установлен жесточайший административный режим, усилившийся непрерывными боевыми действиями и огромным скоплением вражеских войск. Оккупационные власти взяли на учет все трудоспособное население, запретили свободное перемещение из одного населенного пункта в другой, ввели огромное количество различных налогов. Широко были распространены облавы, проверки, аресты, осуществлялся насильственный вывоз населения на каторжные работы в Германию. За малейшее неповиновение людей подвергали наказаниям: поркам, пыткам, расстрелу. В то же время на захваченной территории открывались больницы, ветеринарные пункты, бани, школы, церкви, театры, население снабжалось промышленными товарами, семенами. Все эти мероприятия оккупационных властей следует расценивать не как реальную заботу о гражданском населении, а как хорошо продуманную политику мер по

привлечению жителей на свою сторону, причем эта политика в 1943–1944 гг. отличалась от политики 1941–1942 гг. Гражданское население на оккупированной территории подвергалось колоссальной психологической обработке. Специальные отделы пропаганды вели работу среди жителей, распространяли печатную продукцию, заготовленную заранее. Также на оккупированной территории издавались различные немецко-фашистские периодические издания, внешне похожие на советские довоенные газеты. В них в нужном оккупационным властям свете подавались события на фронтах, причины начала войны, подчеркивалась непобедимость немецкой армии и бесполезность борьбы с ней, пропагандировалась «земельная реформа» и другие социально-экономические мероприятия. Много внимания уделялось антибольшевистской пропаганде. На это также были нацелены различные культурные мероприятия: концерты, спектакли, экскурсии, спортивные соревнования, выставки и т. п. Оккупационным властям нужны были ученые, врачи, квалифицированные рабочие и другие специалисты для обслуживания германской армии, налаживания ее быта. Особенно большое значение придавалось возрождению религии и использованию ее для оправдания антисоветской пропаганды. Крайне важно, что пропагандировавшиеся оккупантами идеи освобождения русского народа от жидо-большевизма не соответствовали той роли, которую отводил русскому народу Гитлер, и политике, проводившейся оккупационными властями. Указанное несоответствие во многом способствовало тому, что население воочию убеждалось в провокационном характере немецко-фашистской пропаганды и политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД СПб). Ф. 0–116. Оп. 9.
2. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10.

REFERENCES

1. Tsentral'ny gosudarstvenny arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov (TsGAIPD SPb). F. 0–116. Op. 9.
2. TsGAIPD SPb. F. 4000. Op. 10.